

О. И. Беляев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва); belyaev@ossetic-studies.org

Седьмая международная конференция по иранскому языкознанию Москва, ИСАА МГУ, 28–30 августа 2017 г.

28–30 августа 2017 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова прошла Седьмая международная конференция по иранскому языкознанию (ICIL 7), организованная учёными с филологического факультета МГУ, из ИСАА МГУ и из Института языкознания РАН. ICIL является основной площадкой для представления актуальных исследований по иранским языкам, как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. Конференция этой серии проводилась в России впервые. Программа мероприятия и тезисы докладов доступны на сайте конференции¹.

Помимо устных докладов, обзор которых даётся в настоящей хронике, на конференции также было представлено 20 стендовых докладов. К сожалению, ограниченный объём текста не позволяет нам представить их подробный обзор.

Утренняя секция первого дня конференции открылась вступительным словом О. И. Беляева, за которым последовало приветствие В. Б. Иванова, основного организатора конференции со стороны ИСАА. За этим последовал пленарный доклад В. Б. Иванова (ИСАА МГУ), посвящённый обзору современного состояния исследований по фонетике иранских языков, с особым вниманием к отечественным и иранским работам. Такой обзор особенно ценен в том числе и потому, что фонетика на подобных конференциях часто представлена недостаточно и находится «в тени» таких более популярных областей, как синтаксис и грамматическая семантика. Кроме того, в описании фонетики иранских языков до сих пор не преодолены расхождения между национальными научными традициями. К таким расхождениям относится, например, противопоставление кратких и долгих гласных фонем в западной традиции описания

персидского языка, соответствующее противопоставлению «сильных» и «слабых» фонем в отечественной традиции. Более глубокое знакомство с работами других ирановедческих традиций, возможно, позволит преодолеть подобные различия как в значительной степени терминологические.

Доклад М. Перо (Лейденский университет) «Eastern Iranian and Tocharian» был посвящён использованию тохарских данных для прояснения дистрибуции иранских языков в дописьменный период. Помимо заимствований из таких надёжно засвидетельствованных иранских языков ареала, как хотаносакский, согдийский и бактрийский, в тохарском имеется также ряд очевидно более ранних, древнеиранских заимствований, которые на основании фонетики затруднительно отнести к какому-либо из известных языков. Традиционно этот гипотетический язык-донор считается предшественником сакских языков, однако М. Перо в своём докладе показывает, что эта гипотеза сталкивается с рядом трудностей при более детальном рассмотрении исторической фонетики. Это влечёт за собой тот вывод, что языковая ситуация в Таримском бассейне и соседних регионах была гораздо сложнее, чем предполагалось ранее, и данные заимствованной лексики в тохарском языке могут иметь решающее значение для исследований в этой области.

Доклад И. С. Якубовича (РГГУ) «West Iranian ezafe as a contact-induced feature» представляет собой попытку дать ареальное объяснение известной типологической аномалии западноиранских языков: порядку слов NGen (с вершинным маркированием при помощи изафета) при общем строе языка SOV. Помимо того, что эта ситуация нарушает известные универсалии порядка слов (причём исключительность персидского языка была отмечена уже в классической работе [Greenberg 1963]), она

¹ <http://ossetic-studies.org/icil7/index.php?id=programme>.

также нетипична с диахронической точки зрения, т. к. предполагает, во-первых, развитие вершинного маркирования взамен зависимостного из постпозитивного относительного местоимения (*manā kāra* ‘моя армия’ → *kāra haya manā id.*, букв. ‘армия, которая моя’); во-вторых, смену порядка слов в именной группе с исходного GenN на NGen. И. С. Якубович обращает внимание на тот факт, что среди древних языков западноиранского ареала эламский (язык-изолят) обладает ровно такой же типологической странностью: сочетанием NGen и SOV. Более того, в эламском языке генитивные зависимые согласовывались с вершиной по грамматическому классу. Таким образом, западноиранскую конструкцию вида *kāra haya manā* можно считать калькой с эламской конструкции, где релятивизация выполняет две функции: во-первых, служит внутриязыковым средством выразить посessor в постпозиции; во-вторых, воспроизводит согласовательную модель эламского языка, т. к. относительные местоимения (в отличие от имён) в древнеиранских языках согласовывались по роду и числу. И. С. Якубович предполагает, что, вероятнее всего, социолингвистическим контекстом для такого изменения было изучение персидского как второго языка носителями эламского, то есть классический случай субстратного влияния. Впоследствии закрепление именно этой модели в западноиранских языках могло поддерживаться как продолжающимся эламско-персидским билингвизмом (по мнению ряда исследователей, эламский язык продолжал существовать вплоть до сасанидского периода), так и последующим влиянием арабского, также демонстрирующего порядок слов NGen.

Доклад М. Кюммеля (Йенский университет) «The Iranian words for ‘witness’ and the morphonology of roots in *^oa(y)-» посвящён группе слов со значением ‘свидетель’ в иранских языках, в которых наблюдается на первый взгляд нерегулярное соответствие рефлексов праиранских *-*kāya-* и *-*kāθa-*, ср.: авест. *vikaiia-* (**wi-kāya*) и совр. перс. *guwāh* (**wikāh* ← *wi-kāθa*). Подобное соответствие наблюдается и в некоторых других лексемах. Статус этих единиц как когнатов не подлежит сомнению, т. к. налицо фонетическая близость и совпадение значений. М. Кюммель отмечает, что современная индоевропейская этимология этого корня предполагает форму **kweh₁i-*, праиндоир. **kaHi-*, с вариативным наличием конечного *-i/-y*. Это позволяет считать соответствие между *-*kāya-* ~ *-*kā-θa-* регулярным.

Послеобеденная секция первого дня конференции открылась докладом Л. Р. Додыхудоевой (Институт языкознания РАН) «Noun phrase vs. com-

pound: Morphosyntactic process in the Shughnani language», в котором обсуждаются именные композиты в шугнанском языке. Известно, что в нём широко распространены конструкции с соположением двух имён или имени и прилагательного без формального маркирования их синтаксической связи. Материалом исследования послужили как собственные записи автора, так и письменные тексты. Особый интерес представляют газетные тексты, где соседствуют шугнанские и таджикские термины. На таких примерах хорошо видно, что в шугнанском языке композиты весьма продуктивны и используются во многих случаях, где в таджикском применяется изафетная конструкция, ср. тадж. *doirazani-i zanon* (игра.на.дойре-EZF женщины) и шугн. *kaxoy-dāf* (женщины-дойра) ‘игра женщин на дойре’. В докладе даётся общая характеристика шугнанских композитов и описываются их синтаксические свойства.

В докладе Д. Барри (Городской университет Нью-Йорка) «The emergence of pharyngeal sounds in Kurmanji Kurdish» обсуждается развитие фарингальных фонем в курдском языке. Известно, что такие фонемы, как /ʕ/ и /ħ/, возникли в иранских языках, включая курдский, под влиянием арабского. Тем не менее, в современных курдских диалектах они распространились и на некоторые исконные лексемы, ср. курманджи [hæft] ← праир. **hapta* и нормальный рефлекс праиранского /h/ в [hæv] ‘тот же’ ← **ham*. В докладе показано, что процесс появления таких фонем в иранской лексике не случаен и связан с наличием в слоге согласных из определённой группы: ротических, шипящих и губных. Как и фарингальные согласные, они вызывают понижение высших формант соседних гласных. Наличие в фонологической системе заимствованных фарингальных звуков способствует реинтерпретации слогов, содержащих такие согласные, как фарингализованных, что и вызывает проникновение этих согласных в исконную лексику.

Доклад Р. Теймури (Университет социального обеспечения и реабилитологии, Тегеран), Ф. Момени (Исламский университет Азад, Тегеран), Ш. Рагибдуст и Г. Модарресси (Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран) «Foreign Accent Syndrome in a Persian-speaking woman» описывает первый зафиксированный у персидскоговорящего пациента случай редкого типа афазии, известного как синдром иностранного акцента (Foreign Accent Syndrome). Этот термин является в значительной степени условным, так как, во-первых, имеется в виду не какое-то специальное собственно *иностранное* произношение, а нарушение родной речи,

которое воспринимается другими носителями, как иностранный акцент; во-вторых, данный синдром затрагивает всю языковую способность говорящего и не ограничен собственно фонологией или просодией. Так, авторы отмечают, что их пациент утратил способность использовать посессивные энклитики, везде используя изафетную конструкцию с полным местоимением (*xâne-ye tan* при отсутствии *xâne-yam*). В целом характеристики данного синдрома в персидском языке сопоставимы с тем, что известно для подобных случаев в других языках.

В докладе Н. В. Сердобольской (РГГУ) «Correlative pronouns in Ossetic complement clauses» обсуждается проблема опущения коррелята в конструкциях с сентенциальными актантами в осетинском языке. Как известно, большинство зависимых клауз в осетинском оформляются при помощи так называемой коррелятивной (или — в русской традиции — местоименно-соотносительной) конструкции, в которой зависимая клауза стоит слева от главной и содержит вопросительную группу, где главной клаузе соответствует именная группа или наречие, называемые *коррелятом*. Например, относительная конструкция *Я видел девочку, которой ты подарил цветы* по-осетински выглядит, как *Дидинджытæ цы чызг-æн балæвар кодтай, уый фæдтон*, букв. ‘цветы которой девочке подарок ты.сделал, её я.видел’. Аналогичным образом оформляются и адвербиальные придаточные (букв. ‘Когда ты пришёл, тогда я тебя увидел’). Одним из немногих исключений из этого правила являются конструкции с сентенциальными актантами: в них коррелят опционален, если зависимая клауза находится справа от главной: *Мæн фæнды, цæмæй æрбацæуай(, уый)*, букв. ‘Я хочу, чтобы ты.пришёл(, это)’. Возникает вопрос, какие факторы определяют наличие или отсутствие коррелята в таких конструкциях. Н. В. Сердобольская предлагает считать, что коррелят в конструкциях с сентенциальными актантами используется в случае, если зависимая клауза находится в прагматической пресуппозиции. В большинстве случаев его наличие коррелирует с фактивностью, т. е. фактивные глаголы (такие, как ‘знать’) либо вовсе не допускают его опущения, либо допускают его только в особых контекстах, где пресуппозиция у таких глаголов снимается. Если зависимая клауза является заведомо ложной, использование коррелята невозможно. Для ирреальных и событийных придаточных на первый план выходит фактивность и статус информации как данного. Эти выводы иллюстрируются на материале Осетинского национального корпуса, а также примеров, полученных путём опроса носителей.

В последнем докладе первого дня конференции на тему «Persian comparative correlatives are not conditionals» М. Тахерхани (Университет Тарбиат Модарес, Тегеран) рассматривает персидские т. н. сравнительные коррелятивы (конструкции вида *Чем больше читаю, тем меньше понимаю*) с точки зрения их сходства и различия с условными конструкциями. Из типологической и теоретической литературы хорошо известно, что во многих языках мира условные конструкции и коррелятивы обладают рядом общих свойств. М. Тахерхани показывает, что хотя сравнительные коррелятивы в персидском языке и предполагают универсальную квантификацию, по ряду причин их нельзя считать подклассом условных конструкций. В частности, коррелятивы единственного числа не всегда интерпретируются в универсальном значении; между двумя типами конструкций имеется и ряд формальных отличий. Автор предлагает формальный анализ персидских коррелятивов, позволяющий описать их семантику, не выводя её из семантики условной конструкции.

Утренняя секция второго дня конференции началась с доклада М. Тахерхани (Университет Тарбиат Модарес, Тегеран) и Ф. Тахерхани (Международный университет имени Имама Хомейни, Казвин) на тему «Free relatives: Evidence from Persian». В нём отчасти продолжается тема предыдущего выступления: безвершинные относительные предложения (free relatives) по ряду параметров схожи с коррелятивами. В отношении синтаксиса безвершинной релятивизации в литературе имеется несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным направлениям. Сторонники первого направления считают, что безвершинные относительные не имеют принципиальных структурных отличий от канонических релятивных конструкций, фактически представляя собой именные группы с нулевой вершиной и сентенциальным зависимым. Другие авторы, напротив, считают, что безвершинные относительные конструкции устроены принципиально иначе, и их свойства нельзя объяснить лишь постулированием нулевой вершины. Анализ персидских данных приводит автору к выводу, что для этого языка адекватнее второй анализ. В частности, в персидском наблюдается т. н. «эффект совпадения» (Matching Effect), требующий, чтобы вершина и мишень релятивизации совпадали по категории и синтаксической роли; впрочем, этот эффект слабее, чем в некоторых других известных языках.

В докладе Ю. В. Мазуровой (Институт языкознания РАН) «Structure and semantics of Ossetic

preverbs» представлен ареально-типологический и исторический обзор системы превербов в осетинском языке. Осетинский язык уникален среди иранских языков в том, что обладает развитой и полностью грамматикализованной системой префиксальной перфективации, по ряду свойств напоминающей славянский вид. Вслед за многими другими авторами, в частности, В. Томеллери, Ю. В. Мазурова обращает внимание на сходство осетинской системы с грузинской, хотя и воздерживается от слишком однозначных выводов о грузинском влиянии на осетинский; возможны и альтернативные сценарии, например, длительное взаимовлияние в результате распространённого билингвизма. Гипотезу В. И. Абаева о префиксальном виде как «скифо-славянской изоглоссе», по-видимому, следует признать ошибочной: глагольный вид как в славянских языках, так и в аланском/осетинском грамматикализовался заведомо позже любого возможного периода интенсивных контактов между носителями этих языков. Что касается пространственных значений осетинских глагольных приставок, то здесь ситуация обстоит несколько сложнее, так как похожие системы, ориентированные на говорящего или дейктический центр, засвидетельствованы сразу в нескольких языках региона. По-видимому, и здесь наибольшее сходство следует усматривать с картвельскими языками. При этом важно отметить, что все превербы в осетинском языке имеют иранское происхождение, что указывает на заимствование семантики без заимствования формы — это также говорит о долговременном билингвизме, а не влиянии некоего иноязычного субстрата.

Доклад О. И. Беляева (МГУ имени М. В. Ломоносова) «The numerative in Ossetic» посвящён типологически редкой грамматической категории осетинского языка — нумеративу. Нумератив, или счётная форма, представляет собой особую форму имени, которая используется при наличии в именной группе числительного со значением 'два' и выше. В иронском диалекте особая нумеративная форма у имён имеется только в именительном падеже, тогда как в дигорском диалекте существует целая нумеративная парадигма с особыми окончаниями для всех падежей. Существенно при этом, что в обоих диалектах номинативный нумеративный показатель по форме совпадает с генитивом единственного числа. В докладе показано, что употребление нумератива в осетинском шире, чем предполагалось ранее: во-первых, он появляется не только при числительных, но и при некоторых квантификаторах; во-вторых, ряд лексем (как пра-

вило, также содержащие в своём значении квантификационный компонент) употребляются с нумеративными окончаниями и без числительных. В докладе О. И. Беляев развивает идею Н. Симса-Вильямса о происхождении нумератива от древнего окончания двойственного числа. Помимо данных других средне- и новоиранских языков, имеющих аналогичные категории того же происхождения, этот тезис подтверждается и на материале самого осетинского языка. Так, показатель нумератива при сочинении ведёт себя так же, как показатель числа, т. е., в отличие от падежных морфем, не поддаётся групповой флексии. Это делает маловероятным возведение нумератива к родительному падежу (как это делает, в частности, Р. Ким). Кроме того, в иронском диалекте нумератив не употребляется с именами *pluralia tantum*: при наличии числительных внутри именной группы эти имена присоединяют обычные окончания множественного числа. Иначе говоря, нумеративный показатель «вытесняется» показателем множественного числа. Эти факты, по мнению докладчика, говорят о том, что нумератив в осетинском следует считать одной из граммем категории числа, которая, таким образом, имеет три значения: единственное, множественное и нумеративное («счётное»).

Доклад А. П. Выдрина (Институт лингвистических исследований РАН) «Peculiarities of optative in Ossetic» завершает осетинскую тематику в программе конференции. Автор доклада описывает семантику парадигмы оптатива в осетинском языке. Несмотря на то, что эта парадигма, по-видимому, исторически восходит (с некоторыми допущениями) к древнеиранскому оптативу, её круг значений существенно шире того, что обычно понимают под оптативом. Употребления в значении собственно желания сравнительно маргинальны; в зависимых клаузах оптатив часто взаимозаменяем с конъюнктивом, имея дополнительную коннотацию желательности события для говорящего. При этом у оптатива есть и независимые употребления, не имеющие, по-видимому, ничего общего с модальной семантикой. Так, в дигорском диалекте он достаточно часто встречается в нарративных контекстах. Сосуществование модальных и нарративных функций делает осетинский оптатив отдалённо похожим на «старые презенсы» (термин М. Хаспельмата) во многих языках Кавказа и смежных ареалов. Однако, если осетинская форма действительно восходит к оптативной парадигме, возникает вопрос о том, как нарративное употребление могло развиваться из модального.

Следующие три доклада имеют во многом пересекающуюся тематику. Они посвящены структуре глагольной парадигмы в западноиранских языках. Доклад С. Кея (Оксфордский университет; Коллеж де Франс) посвящён основам глагола в талышском языке. В литературе часто утверждалось, что это один из немногих иранских языков, где полностью утрачено противопоставление основ настоящего и прошедшего времени. Автор доклада показывает, что такой вывод слишком поспешен. В действительности, хотя это противопоставление действительно редуцировано по сравнению с тем, что представлено в других иранских языках, оно далеко от полного исчезновения. Большинство глаголов различают обе основы, и дистрибуция основ в глагольной парадигме является в значительной степени произвольной. Автор показывает, что игнорирование данного противопоставления приводило к ряду ошибок в предыдущих описаниях талышского языка.

Доклад А. Корн (Национальный центр научных исследований, Париж) и М. Сулейманова (Практическая школа высших исследований, Париж) «Issues of microvariation: Crossdialectal differences in modal marking» посвящён анализу поведения префиксов вида *bE-*, маркирующих модальные формы в трёх иранских языках: белуджском, башкарди и татском. Известно, что использование подобных префиксов является инновацией, начавшейся в среднеиранский период и окончательно закрепившейся уже в новоиранских языках. Появление модальных префиксов связано с утратой исконных противопоставлений модальных форм в суффиксальных глагольных парадигмах. Авторы, однако, показывают, что при всём внешнем сходстве систем они демонстрируют тонкие различия, которые свидетельствуют о сложном переплетении внутриструктурных и ареальных факторов их развития. Так, в белуджском языке префикс *bi-*, по-видимому, заимствован из персидского языка. Систематически он употребляется только в императиве, а в старых описаниях формы с *be-* и вовсе не рассматриваются как отдельные парадигмы. Ситуация в татском языке сложнее. По-видимому, следует различать две случайно совпавшие морфемы: имперфективный префикс *bä-/ba-* и конъюнктивный префикс *bV-*. Это видно из того, что в последнем гласный ассимилируется с гласным корня, тогда как гласный в первом стабилен. По-видимому, имперфективный префикс является исконным развитием из направительного предлога *bä*, тогда как префикс конъюнктива заимствован из талышского и родственных северо-западноиранских языков. Из

этой «микротипологии» видно, до какой степени контактные факторы наложились на внутреннюю логику развития глагольных систем иранских языков.

Доклад Г. Вафаеян (Стокгольмский университет) «Areal typological study on the progressive in northern Iran perspective» посвящён типологии показателей прогрессива в языках северного Ирана. Автор выделяет две основные группы языков по модели формирования прогрессивных форм: группа DAR, в которой используется локативный элемент вида *dar/dər/da*, и группа KAR, где используется элемент *kar/kər/kərə*, восходящий к существительному *kār* 'работа, действие'. Показано, что употребление этих стратегий подчиняется прежде всего ареальной логике, причём группа KAR ограничена небольшой зоной между провинциями Гилян, Ардебиль, Восточный Азербайджан и Зенджан. Группа DAR распространена шире, но весьма разнообразна в том, что касается позиции и статуса прогрессивного показателя. Если в некоторых диалектах он находится в препозиции и имеет статус клитики, то в других диалектах он является уже полноценным суффиксом. В целом можно сказать, что с запада на восток рассматриваемой зоны действует тенденция нарастания степени грамматикализации данной категории: если в западной части ареала показатели группы DAR являются проклитиками и выражают прогрессивное значение, то на востоке ареала они являются суффиксами и имеют уже общее имперфективное, а не собственно прогрессивное значение.

Послеобеденная секция второго дня конференции, помимо постерных презентаций, состояла из двух докладов. Первым было выступление Л. Зиамаджи (Мемориальный университет Ньюфаундленда) на тему «The aspectual system in Luri of Doroud», посвящённое аспектуальной системе дорудского диалекта лурского языка. Система глагольных форм, описанная в докладе, примечательна в следующих аспектах. Во-первых, ряд форм очевидно заимствован из персидского языка. Так, прогрессив со вспомогательным глаголом *daštæn* 'иметь' калькирует соответствующую персидскую конструкцию: в этой конструкции используется форма на *mi-*, сама по себе в лурском малоупотребительная. Во-вторых, интересна структура словоформы перфекта. Здесь глагол 'быть' имеет неизменяемую форму *-æ*, причём этот показатель присоединяется не перед лично-числовым аффиксом (что было бы этимологически ожидаемо), но после них. Это свидетельствует о достаточно высокой степени грамматикализации перфекта и соответствующей перестройке глагольной словоформы.

Последним докладом во второй день конференции была пленарная презентация Дж. Хейга (Бамбергский университет) «Post-predicate arguments in Iranian languages». Известно, что многие иранские языки, несмотря на в целом левое ветвление, содержат ряд отклонений от этого прототипа. Тем не менее, считается, что во всяком случае западноиранские языки имеют достаточно жёсткое ограничение на конечную позицию глагола. Из этого правила хорошо известно одно исключение: позиция сентенциального актанта после глагола. Однако это исключение типологически ожидаемо и неплохо объясняется существующими теоретическими моделями. В докладе Дж. Хейга обсуждается другое исключение, гораздо реже упоминаемое в литературе: систематическое позиционирование локативных и целевых именных актантов после глагола. Автор указывает, что анализ таких примеров как нестандартных, маркированных случаев «скремблинга» несостоятелен даже для персидского языка, что было показано ещё в работе П. Фроммера 1981 года, посвящённой разговорному персидскому. На основании собственных данных Дж. Хейг показывает, что в языке курманджи постглагольная позиция обязательна для трёх типов актантов: конечных точек, реципиентов и адресатов. Это позволяет отнести курманджи к типу SOVX, хорошо описанному на материале ряда африканских языков. Помимо подробного обзора собственных полевых данных и имеющейся литературы по данному вопросу, Дж. Хейг также предложил достаточно смелую гипотезу о возможном влиянии новоарамейских диалектов на порядок слов в языках западноиранского ареала.

Утренняя секция последнего, третьего дня конференции началась с доклада А. Нильссона (Уппсальский университет) «Evidentiality and epistemic authority in spoken Tajik», посвящённого эвиденциальности в таджикском языке. В литературе обычно считается, что таджикский перфект используется для заглазных событий, тогда как формы простого перфективного прошедшего времени (аориста) употребляются исключительно для засвидетельствованных событий. В докладе на материале опроса носителей таджикского языка показано, что реальная ситуация несколько сложнее: явно заглазные события часто также маркируются формами простого прошедшего. По-видимому, формы перфекта действительно имеют эвиденциальную семантику, тогда как аорист не связан со значением засвидетельствованности как таковым. Скорее следует считать, что его употребление обозначает высокую степень уверенности говорящего в истинно-

сти события. Полностью перфектные нарративы, таким образом, в таджикском встречаются лишь изредка и закреплены за текстами специфических жанров, такими как сказки или анекдоты.

Доклад Э. Анонби (Карлтонский университет; Бамбергский университет) и М. Тахери-Ардали (Шахрекордский университет) «Linguistic diversity and language contact in Chahar Mahal va Bakhtiari Province, Iran» в значительной степени можно считать презентацией масштабного проекта «Языковой атлас Ирана»², выполняемого международной группой исследователей под руководством Э. Анонби. Методология атласа построена на сборе социолингвистических и языковых данных для каждого селения в пределах географического ареала; данная информация затем сочетается с демографической информацией из общедоступных источников. Такой способ составления атласа позволяет получить максимально точную картину языковой ситуации в заданном ареале. В докладе авторы представили подробный анализ языков остана Чехармахаль и Бахтиярия. Помимо общих социолингвистических выводов (таких, как повсеместное распространение персидского в качестве родного языка), в докладе делается и ряд интересных наблюдений о фонетике и грамматике. Так, фонетическая система бахтиярского языка в этой провинции ближе к стандартной персидской системе и к системам других диалектов Юго-Западного Ирана, чем к другим вариантам бахтиярского языка. Обнаружена также необычная редуцированная форма прогрессива, засвидетельствованная только в нескольких бахтиярских диалектах и соседствующих с ними тюркских идиомах.

Доклад М. Кинцлера (Гамбургский университет) «The Khuzistan dialect of Early Judaeo-Persian and modern dialects of the region» рассматривает связь между языком ранних еврейско-персидских текстов, локализованных в Хузистане, и современных диалектов данного региона. Еврейско-персидские тексты важны для истории персидского языка, так как отражают ряд переходных черт между среднеперсидским и новоперсидским периодами. Так, в хузистанском диалекте еврейско-персидского имеется особая форма перфекта, использующая вместо нового причастия на *-a* старое причастие прошедшего времени, совпадающее с основой прошедшего времени. М. Кинцлер показывает, что некоторые необычные конструкции современных диалектов этого региона, в частности лурского языка (формы вида *goft-om=a* с постпозицией вспо-

² <http://iranatlas.net/index.html>.

могательного глагола, упомянутые ранее в докладе Л. Зиамаджиди), могут объясняться диалектными различиями, имевшими место ещё в ранний ново-персидский период и отражёнными в еврейско-персидских текстах.

Доклад М. Сулейманова (Практическая школа высших исследований, Париж) «The verb 'to do' in Upper Sirvan Tat: Towards the genesis of a new inflectional paradigm through suppletion» посвящён процессу формирования парадигмы глагола 'делать' в одном из татских диалектов. Автор показывает, что в этом диалекте парадигма глагола *soxtan* 'делать' в ряде клеток (отрицательный конъюнктив, прохибитив, аподосис условных конструкций) заполняется формами глагола *nohran* 'класть'. В свою очередь, основа настоящего времени последнего используется только в значении 'делать'; в значении 'класть' используется основа настоящего времени глагола *hištān* 'оставлять, отпускать'. Последнее сближение произошло под азербайджанским влиянием, хотя оба глагола в татском остаются самостоятельными лексемами. Интересно, что в некоторых случаях допустимы и регулярная, и супплетивная формы, что говорит о том, что процесс формирования супплетивной парадигмы в рассматриваемом идиоме до конца не завершился.

В докладе Ш. Бернара (Лейденский университет) «Gavruni modal verbs and impersonal constructions» рассматривается особая аргументная структура модальных глаголов языка гавруни (зороастрийского дари). Исторически ряд модальных глаголов в этом языке восходят к именным конструкциям вида 'у тебя есть желание' с неканоническими подлежащими. Редукция падежной системы и фонетической формы предиката привела к тому, что субъект в таких конструкциях неотличим от канонического подлежащего. Единственное отличие от обычных глаголов состоит в том, что согласовательным показателем выступает посессивная проклитика, а не личный суффикс, а также в том, что сам предикат стоит в неизменяемой форме с нулевым окончанием.

Похожий материал рассматривается в докладе Е. К. Молчановой (Институт языкознания РАН) «Аргументная структура в зороастрийском дари», где описываются другие необычные модели аргументной структуры в данном языке. Так, личностно-числовой суффикс глаголов с валентностью на роль Адресата согласуется не с субъектом, а с адресатом. При отсутствии Адресата в аргументной структуре те же глаголы используют модель, описанную Ш. Бернаром. Таким образом, круг её употреблений, по-видимому, выходит за рамки окаменевших именных конструкций.

Несколько по-иному понятие имперсональной конструкции предстаёт в докладе А. Геркенрат (Гисенский университет) «Impersonal constructions in language-biographical conversations and related text types in Kurmanji», в котором анализируется употребление имперсональных конструкций языка курманджи на базе корпуса устных текстов. Инвентарь таких конструкций в этом языке достаточно широк и включает в себя как особые субъектные существительные (*mirov* или *însan* 'человек'), так и имперсональный пассив, местоимения 2 л. и абстрактные имена в субъектной позиции.

Послеобеденную секцию последнего дня конференции открывает доклад Д. Сатановой (Институт лингвистических исследований РАН) «The case marker -o in Northern Talyshi: morphology, semantics and origin». В докладе делается попытка пересмотреть структуру талышской падежной системы. Начиная с работ В. Б. Миллера принято считать, что помимо прямого и косвенного падежей в талышском языке имеется также направительный падеж -o, восходящий к праиранскому аблативу на *-āi. В докладе показано, что такой взгляд упрощает реальную картину. На это указывает, во-первых, нетипично широкий круг значений этого суффикса: в соответствии с описанием В. Б. Миллера, он маркирует как пространственное отдаление, так и бенефактив. Во-вторых, показатель -o присоединяется после посессивных клитик, что делает сомнительным его происхождение от праиранского аффикса. В-третьих, в аблативном значении -o/-u всегда заменим на послелог -ku, причём первый вариант допустим только после существительных, оканчивающихся на согласные. Эти данные указывают на то, что в показателе -o совпали рефлексии двух различных показателей: послелога -ro (что дало непространственные значения послелога) и послелога -ku после согласных (что дало аблативное значение). Такой анализ позволяет адекватнее описать талышскую падежную систему, а также поместить её в более широкий контекст северозападноиранских языков, многие из которых развивают новые падежные системы из послелогов.

Доклад Л. Пауля (Гамбургский университет) «The case system of modern West Iranian languages in typological and historical perspective (with special reference to *rādī)» также посвящён эволюции падежных систем западноиранских языков. На примере нескольких падежных значений Л. Пауль показывает, как на базе редуцированной новоиранской двухпадежной парадигмы из послеложных показателей начала развиваться новая система именной флексии. Традиционно такие вторичные

показатели часто трактуют как послелогои, но многие из них можно считать в достаточной степени грамматикализованными для того, чтобы считать их полноценными падежами. Хотя чаще всего такие «послелогои» следуют за показателем косвенного падежа, в некоторых случаях последний уже не вычленяется. Такой взгляд на развитие именной парадигмы в иранских языках позволяет провести типологические параллели как с индоарийскими языками, где представлены различные стадии грамматикализации новых падежей вплоть до аффиксальной, так и с осетинским языком, по видимому, прошедшим в своей истории через похожий этап.

В докладе М. Дабир-Могаддама (Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран) представлен обзор данных по системам маркирования ядерных актантов в иранских диалектах. Приведённый материал в очередной раз подтверждает, что разнообразие морфосинтаксических систем иранских языков гораздо выше, чем классическая «расщеплённая» модель, основанная на основах настоящего и прошедшего времени. Так, в некоторых диалектах засвидетельствованы системы, в которых суффиксальное кодирование подлежащего в настоящем времени противопоставлено проклитическому кодированию подлежащего в прошедшем времени, без каких-либо различий в зависимости от переходности глагола. Интересной также является модель, в которой согласовательные суффиксы находятся в дополнительной дистрибуции с полными местоимениями. Такая модель напоминает

системы некоторых кельтских языков, в частности, валлийского и ирландского, где некоторые из лично-числовых суффиксов можно трактовать, как инкорпорированные местоимения.

Завершил конференцию пленарный доклад Д. И. Эдельман «Семантическая типология в истории иранской лексики». Как известно, анализ семантических переходов играет весьма важную роль в сравнительно-исторической реконструкции: для признания двух корней когнатами необходимо не только фонетическое сходство, но и совпадение значений, либо правдоподобная гипотеза о том, как одно значение могло перейти в другое, либо же оба могли развиваться из общего источника. В своём докладе Д. И. Эдельман показывает, что подобные переходы не всегда прямолинейны, и семантический анализ может быть затруднён из-за влияния дополнительных факторов. Одним из наиболее типичных примеров является табуизация лексики, причём подобные процессы часто имеют ярко выраженную ареальную дистрибуцию. Аналогичным образом нестабильными могут быть системы числительных, способные под ареальным влиянием перестроиться на иную модель счёта: приводятся примеры перехода с десятичной на двадцатеричную систему, а также изменения формы числительного 'девять' под влиянием субстратных восьмеричных систем. Таким образом, учёт семантической типологии и ареальных факторов в развитии лексики позволяет существенно уточнить семантические реконструкции в сравнительно-историческом языкознании.